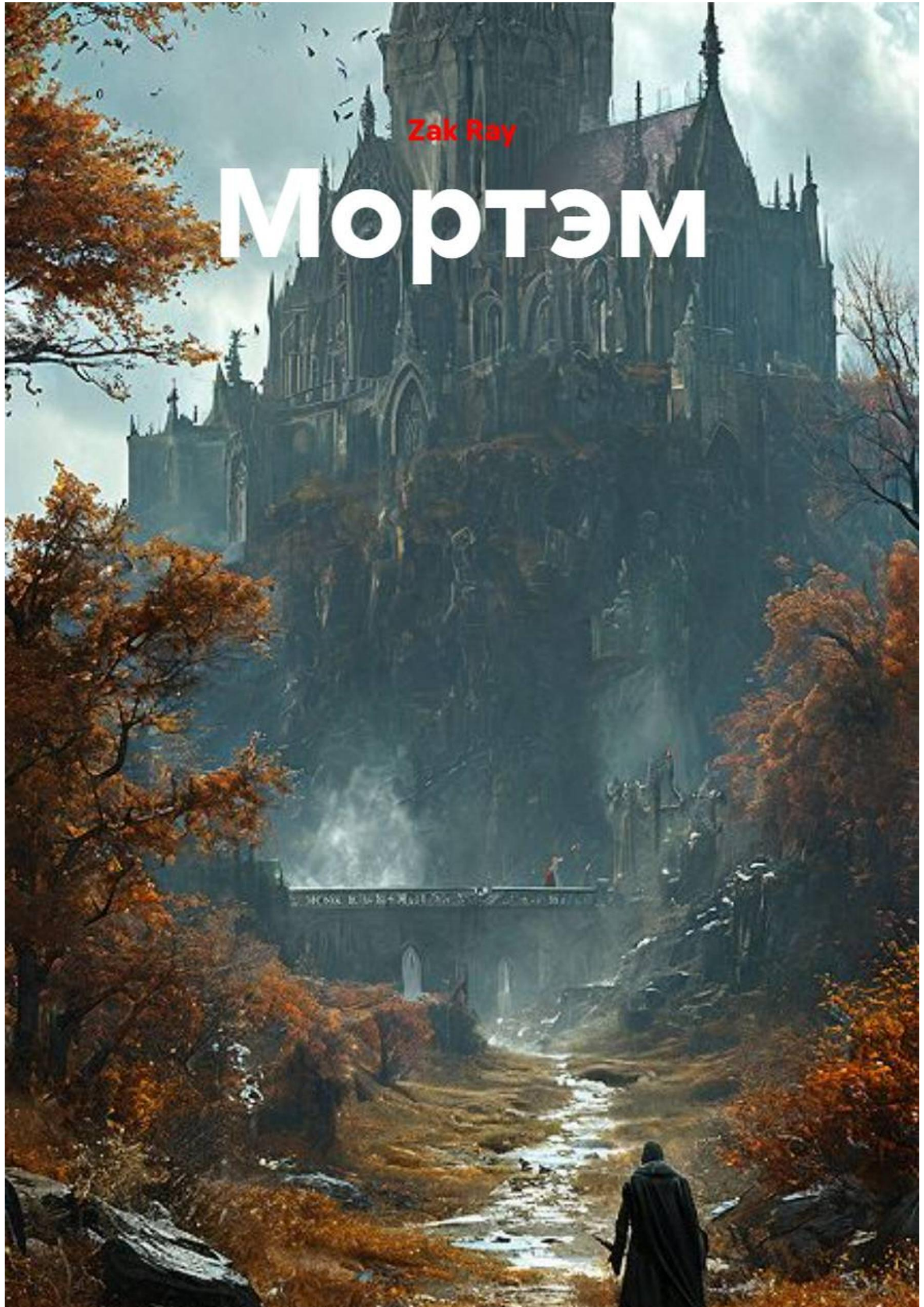

Zak Ray

Мортэм

Zak Ray

Мортэм

«Автор»

2026

Ray Z.

Мортэм / Z. Ray — «Автор», 2026

Мортэм — королевство, где царит идеальный порядок. Войны прекращены. Хаос усмирён. Каждый житель знает: за нарушение правил — смерть без следа и без прощания. Тёмное фэнтези о цене свободы, о вине и искуплении, о системе, которая защищает людей от самих себя — и уничтожает их по одному.

© Ray Z., 2026

© Автор, 2026

Zak Ray

Мортэм

Глава 1. Против порядка.

Двери трактира отворились с протяжным, болезненным скрипом — звуком, который здесь, в приграничном Хорне, давно уже стал редкостью. Когда-то по вечерам это место дышало гулом голосов, пятнами пролитого эля и сизым табачным дымом. Теперь же в общем зале царили тишина и вязкий полумрак. Посетители жались по углам, точно тени, и едва слышно перешёптывались — каждый о своём, каждый с оглядкой.

Вошедший не нуждался в представлении. Статный мужчина в годах, облачённый в доспех, нёс на плече герб Короля — символ Великой Воли. Разговоры смолкли сами собой, растворяясь в холодном воздухе. Взгляды прилипли к незваному гостю: зачем человек Короны явился в эти забытые земли? Ничего хорошего его визит не сулил — это понимал каждый.

Однако Лорд не стал, по обычаю высокогородных, оглашать зал приветствием или указом. Он просто пересёк помещение — шаги гулкие, размеренные, никуда не спешащие — и тяжело опустился на старый, затрепавший под ним стул напротив трактирщика. Снял перчатку, положил её на стойку и посмотрел хозяину прямо в глаза. Взгляд был спокойный, почти усталый, и от этого ещё более жуткий.

Трактирщик, пожилой мужчина с трясущимися руками, засуетился мгновенно. Достал из-под прилавка запечатанную бутылку — лучший напиток из тех, что ещё оставались в его погребе, — и, не спрашивая, наполнил стакан. Лорд принял угощение молча. Сделал глоток — неторопливый, будто пробовал воду после долгой дороги, — и лишь затем извлёк из поясной сумки свиток. Развернул его перед трактирщиком.

На пергаменте был изображён портрет. Лицо человека скрывал глубокий капюшон, но один элемент выделялся с нарочитой чёткостью: кольцо на левой руке с символом птицы.

Трактирщик склонился над свитком, сощурился, вглядываясь в детали. Затем медленно, почти виновато покачал головой.

И в этот миг в распахнутое окно бесшумно скользнул ворон. Птица с неестественно алыми глазами, по чёрному оперению которой змеились красные узоры — будто трещины по застывшей лаве. По залу прокатилась волна животного ужаса. Кто-то вжался в лавку, кто-то попытался скользнуть к выходу, но там уже стояли два дюжих рыцаря с тем же гербом, что и у Лорда. Их присутствие перекрыло дверной проём надёжнее любого засова.

Ворон вспрыгнул на стойку и начал яростно долбить клювом в лицо на портрете, а затем повернулся к трактирщику. Тот отшатнулся, вжимаясь спиной в стеллаж с бутылками. Птица не сводила с него алых глаз, и в тишине слышно было только, как жалобно позвякивает стекло за его спиной.

— Вестники чувствуют неладное, — произнёс Лорд и медленно, почти нежно провёл пальцами по перьям ворона. Тот замер под его рукой. — Посмотри ещё раз. Думаю, ты сможешь вспомнить этого человека. Если поможешь — вам ничего не грозит. — Он сделал паузу, и его взгляд, оторвавшись от птицы, обвёл всех, кто ещё оставался в зале. — Не нужно совершать ошибок. Платить придётся не только тебе. Я правда не хочу, чтобы эта история окропилась кровью. Помоги мне этого избежать.

Трактирщик облизнул пересохшие губы. Пальцы его дрожали, вцепившись в край стойки.

— Он... он бывает здесь. Редко. Заходит взять припасы и уходит. Сразу покидает Хорн. Больше я ничего не знаю, честное слово.

— Как часто он приходит?

— Раз в три-четыре дня. Кидаёт горстку монет. Я даю ему хлеб и воду. И он исчезает.

Лорд вздохнул — не гневно, а устало, словно старый учитель, разочарованный нерадивым учеником.

— Ты ведь понимаешь, что грозит тем, кто ослушивается Великой Воли? И всё же ты сделал свой выбор.

— Прошу вас Но ведь...

— Вы живёте по правилам, — перебил его Лорд, и в его голосе не было злобы — только констатация факта, холодная, как лезвие. — А они гласят, что в общине нет места посторонним. Ты впустил в свой дом того, кто не принадлежит этой земле.

— Я просто обслужил путни... — Ворон не дал ему договорить. Движение было молниеносным. Птица метнулась вперёд, и клюв погрузился в глазницу трактирщика. Тело мешком осело на пол, не успев даже вскрикнуть. Постояльцы оцепенели. Кто-то всхлипнул, кто-то зажал рот ладонью, но никто не проронил ни слова.

Лорд поднялся со стула. Набросил перчатку обратно на руку и, не оглядываясь на труп, направился к выходу. У дверей остановился и бросил коротко:

— Сжечь здесь всё. И никого не выпускать. Так гласит Великая Воля.

Лагерь Лорда Крауна расположился на холме в отдалении, откуда открывался вид на багровые отсветы пожара. Трактир догорал вместе с теми, кто ещё минуту назад дышал. Краун стоял неподвижно и смотрел на зарево, сжимая кулак до побелевших костяшек. Лицо его — обветренное, изрезанное морщинами, лицо человека, который давно перестал быть молодым — не выражало ничего. Но кулак, сжатый так, что кожа натянулась на суставах, говорил без слов.

То, что ему пришлось сделать, не делало ему чести. Не приносило гордости за службу. Он был орудием Великой Воли, и орудие не рассуждает. Такова цена мира. Такова цена порядка в королевстве Мортэм.

Шелест крыльев разорвал ночную тишину — и тот самый ворон, что недавно выклевал глаз трактирщику, приземлился на поваленное бревно неподалёку. В следующий миг его очертания поплыли, и на месте птицы уже стояло человекоподобное существо — высокое, с заострёнными ушами, с теми же жуткими красными прожилками, что струились по его коже, словно тлеющие вены. Эльф. Древний. Мэлон.

— Я осмотрел округу, — заговорил он голосом, лишённым интонаций. — Ни лагерей, ни следов пребывания. В ближайших территориях пусто.

— Если он один из вас, — медленно произнёс Краун, не оборачиваясь, — неудивительно, что следов нет. — Он помолчал, пережёвывая горькую мысль, и наконец повернулся к Мэлону. — Я только не понимаю, как такое возможно. Ты — вестник, как и все твои собратья. Я думал, пойти против воли Создателя для вас противоестественно.

— У нас нет своей воли. Мы подчиняемся Ей. Мы не способны ослушаться, пока действует уговор.

Краун долго смотрел на эльфа, и в его взгляде читалось что-то среднее между жалостью и горечью.

— Ты хоть раз жалел о той сделке?

— А нас спрашивали, Лорд Краун?

Тишина повисла в воздухе густая, как дым от сожжённой деревни. Краун отвёл взгляд первым.

— Но вы ведь обладаете сознанием, — сказал он тише, словно рассуждая вслух. — У вас есть свои взгляды на происходящее. Вы мыслите. Принимаете решения.

— Наш выбор состоит лишь в том, *как* именно исполнить Великую Волю. Других выборов нам не дано. — Мэлон говорил ровно, без тени раздражения или печали. — У нас нет потребности в иных.

— А желания? — Краун шагнул ближе, вглядываясь в лицо эльфа. — Свои личные предпочтения?

— А вы ими обладаете, Лорд? — красные глаза встретили его взгляд без страха и вызова. — Другие жители Мортэма, может быть, обладают? Великая Воля ставит всех в равные условия. Чтобы везде были мир. Порядок. Чтобы каждый делал своё дело на благо остальных. Чтобы внешние угрозы исчезли. Чтобы любой человек знал: если он живёт по догмам — ему ничего не грозит.

Краун невесело усмехнулся и покачал головой. Огонь на горизонте отражался в его зрачках.

— Признаться, Мэлон, я не чувствую себя в безопасности. Внешних врагов у нас, возможно, и не осталось. Но люди не избавились от страха. Для них угроза — это мы. Те, кто должен их оберегать. — Он помолчал, подбирая слова. — Мы стали для них тем, против чего их должны были защитить.

Эльф склонил голову чуть набок. В этом жесте не было любопытства — скорее, отстранённый интерес естествоиспытателя.

— Вы иррациональны по своей природе, — произнёс он бесстрастно. — Единственное, что заставляет вас не нарушать правил, — страх и знание, что за любым неповиновением последует кара. Только это удерживает вас в рамках. Уберите кару — и вы тут же решите, что можно ослушаться. Поэтому последовательность необходима. Нельзя пропускать ни одного этапа.

Краун медленно кивнул. Он словно соглашался и не соглашался одновременно.

— Тебе нравится быть вестником этой Воли? — спросил он, снова поднимая взгляд на эльфа. — Нравится такой порядок?

Пауза была долгой. Но когда Мэлон ответил, его голос прозвучал точно так же, как и прежде:

— А нас спрашивали, Лорд Краун?

Краун отвернулся к зареву. Впервые за долгие минуты его кулак разжался. Пальцы, освобождённые от напряжения, безвольно повисли вдоль тела.

— Да, — произнёс он в темноту, ни к кому не обращаясь. — Нас тоже.

Утро выдалось серым и безрадостным — под стать настроению Лорда Крауна. Он сидел на походном сундуке, уперев локти в колени, и разглядывал потухшее кострище, будто в остывшей золе можно было отыскать ответ. Мысли текли вязко, неспешно. Ему хотелось поскорее закончить дело. Схватить беглеца и отправиться домой — или в то, что он привык называть домом.

Он отчётливо понимал: жители этой деревни в жизни не скажут лишнего слова. Страх вбит в них слишком глубоко. Но они знают. Определённо знают больше, чем говорят. И то, что трактирщик, пусть и под страхом смерти, всё же обслужил чужака, означало одно: здесь что-то иначе. Что-то сдвинулось. Один раз можно списать на глупость. Но если это случилось единожды, значит, могло случиться и дважды, и трижды. А значит, вся деревня потенциально — очаг. Угроза. Болезнь, которую нужно выжечь, пока она не расползлась.

Можно было просто уничтожить всех. Так, как пришлось сделать с трактиром. В назидание. По закону. И Краун знал, что никто, ни единая душа в королевстве не осудит его за это. Но вместо этого он поднялся, набросил на плечи грубую льняную накидку — ткань скрыла и доспех, и герб, и лицо, — и пешком, в промозглой утренней сырости, направился к деревне.

Он хотел услышать. О чём они шепчутся, когда думают, что их не слышат?

Деревня встретила его тишиной. Той самой, особенной, мортэмской тишиной, что звенит в ушах громче любого крика. Улица, ведущая к центру, была пуста. Лишь у сгоревшего остова трактира, ещё дымящегося редкими струйками, стояли люди. Не толпой — кучками. Молча. Кто-то прижимал к лицу платок, кто-то просто смотрел на обугленные балки. Женщина, пожилая и сутулая, стояла на коленях прямо в грязи и беззвучно тряслась.

Краун остановился на мгновение. Стыд нахлынул внезапно, горячей волной, несмотря на холод. Не профессиональное сожаление о «переусердствовании» — нет. Настоящий, человеческий, почти забытый стыд. Ему пришлось отвести взгляд. Он свернул в переулочек — если эту щель между покосившимися домами вообще можно было назвать переулком — и, низко надвинув капюшон, зашагал быстрее.

Он знал, куда идти. Часовня. Рано или поздно староста соберёт людей, чтобы обсудить, что делать дальше, как жить после вчерашнего. Если где и можно подслушать настоящие разговоры, то там.

Часовня — приземистое каменное здание с облупившимся символом Веры над входом — стояла на небольшой площади. Краун не стал подходить близко. Он обогнул здание и прижался спиной к холодной кладке сбоку, укрывшись в тени старого, кривого дерева. Отсюда было слышно всё, что скажут на площади. А его — не видно.

Ждать пришлось недолго. Люди стали собираться. Медленно, по одному, будто каждое движение давалось им с трудом. Они стягивались к центру площади, окружая сухонького старика — старосту, — который терпеливо дожидался каждого. В полной тишине. Никто не здоровался, никто не перешёптывался. Только шарканье ног по утоптанной земле и всё. Оглядывались. Вжимали головы в плечи.

Краун уже собирался сосредоточиться на том, что скажет старик, как вдруг рядом кто-то завалился. Именно завалился — грузно, небрежно, будто мешок с мукой бросили к стене. Краун вздрогнул и повернул голову.

Рядом с ним сидел человек. Молодой мужчина с растрёпанными волосами и лицом, которое никак не вязалось с общим настроением деревни. Он улыбался. Не подобострастно, не нервно, а открыто, широко, словно они встретились на ярмарке.

— Яблоко не желаете? — спросил он, протягивая Лорду сморщенный, но на вид вполне съедобный плод. — Я люблю делиться с теми, кто нуждается.

Краун даже не посмотрел на яблоко. Он смотрел на говорившего. Что-то было не так. Всё было не так.

— Не желаю, — холодно ответил он. — И если можно, тут полно других мест. Куда можно присесть.

— Не-е, — протянул незнакомец, усаживаясь поудобнее и прислоняясь спиной к тому же дереву. — Такое место одно. И видно всё хорошо, и слышно. — Он хрустнул яблоком. — Я люблю этот городок. Тихо тут. Люди приятные. Вот только таверну жалко.

Лорд Краун замер. На пару секунд он оказался в полном ступоре. Не от самого факта, что кто-то к нему подсел, пока все собираются у часовни. Его удивила манера речи. Наглая. Позитивно-раздражающая. Живая. В ней не было ни страха, ни угодливости, ни вечного подбора слов, к которому он привык за долгие годы. Это была речь свободного человека. И Краун, кажется, начал догадываться, кого именно он ищет. Но вместо того чтобы схватиться за оружие, он подыграл.

— Только таверну жалко? — переспросил он, не поворачивая головы. — Там люди погибли.

Собеседник хмыкнул.

Краун медленно развернулся к нему всем корпусом. Глаза его потемнели.

— Тебе смешно? Они погибли из-за того, что решили помочь чужаку. Тому, кому помогать было нельзя. И теперь под угрозой вся деревня. Это абсолютно не смешно.

— Мне смешно от тех, кто придумывает правила, создающие такие проблемы, — ответил незнакомец. Голос его был по-прежнему лёгким, но взгляд... Взгляд стал на тон острее. — Ну, сам посуди. Не будь запретов — не было бы и нарушений. Если завтра скажут, что разговаривать в семье нельзя, это тоже станет табу? Я вот представляю сцену. Рождается у пары ребёнка. Говорит первое слово: «Мама». И всё. Семьи нет.

Он откусил ещё яблока и, жуя, добавил:

— А с учётом того, куда всё катится, это лишь вопрос времени.

— Вы утрируете, — процедил Краун.

— Утрирую? — Незнакомец склонил голову к плечу. — Мне всегда казалось, что власть и люди — это партнёрство. Власть придумывает правила, чтобы защищать. Оберегает покой. А люди взамен платят налоги, спонсируют всю эту роскошную жизнь господ. Так?

Краун молчал.

— Но у вас тут, — продолжал собеседник, обводя рукой площадь, часовню, серое небо, — что-то другое. Вы говорите: «Великая Воля оберегает нас от самих себя». — Он скопировал интонацию Крауна почти идеально. — А я вот смотрю на вас и думаю: вы сами-то в это верите?

— Великая Воля оберегает нас от самих нас, — повторил Краун жёстко. — В том числе.

— Да-да. — Собеседник кивнул. — Именно поэтому вы не смогли пройти по главной дороге. Туда, где пепел. — Он понизил голос. — Вы не готовы принимать исход ваших решений. Вы прячетесь. От людей? Или от себя?

Краун сжал зубы.

— Для обычного крестьянина ты слишком понимающий.

— А вы прекрасно знаете, что я не здешний, — парировал тот спокойно. — И вы уже наказали людей за это. Верно?

— Их наказал не я. Таковы правила.

— Вы — орудие правил. А это почти одно и то же.

Повисла тишина. На площади старик-староста начал что-то говорить — тихо, монотонно, слов не разобрать. Но Краун уже не слушал его. Его внимание было приковано к этому странному, до безумия спокойному человеку.

— Кстати, об орудиях, — снова заговорил Краун. — Как ты ослушался? Вестник не чувствует тебя. Как?

— А я изначально не был подписан на всё это.

— Как?!

Вместо ответа незнакомец развернулся к нему и посмотрел прямо в глаза. Впервые за весь разговор он перестал улыбаться.

— У меня к вам предложение.

Краун прищурился.

— Ты сдаёшься, и мы оставляем деревню? — спросил он, уже зная ответ, но всё ещё надеясь, что ошибается.

Незнакомец улыбнулся. На мгновение — своей прежней, лёгкой улыбкой. А затем его лицо обрело совсем другое выражение. Серьёзное. Твёрдое. Без тени страха.

— Валите-ка вы к чёрту со своими солдатами, — сказал он тихо, почти ласково. — И птицу свою по дороге подберите. Забудьте, что вы были здесь. Скажите, что никого не нашли. Люди молчаливы, кого надо — вы уже наказали. Всё. Уходите. Прошу.

Он сделал паузу. И закончил жёстко:

— Иначе я встану за них.

Краун усмехнулся, хотя усмешка вышла невесёлой.

— Слушай, занятно. Но у меня есть Вестник. И он, представь себе, с самого начала шёл за твоей жизнью. Неужто ты настолько самоуверен?

— Я ваши правила не трогаю, — спокойно ответил тот. — Бунт не поднимаю. Хожу тихо. Люди мне помогают — я им помогаю. Взаимно.

— Это так не работает.

— Лорд Краун. — Незнакомец впервые назвал его по имени, и от этого у Крауна похолодела спина. — Я же вижу. Вам это всё поперёк горла. Вы не хотите. Вы такой же, как они, — просто боитесь.

Он наклонился чуть ближе и заговорил почти шёпотом:

— Сделайте маленькое доброе дело. Одно. Просто уйдите.

Краун молчал. Молчал долго. Слишком долго для человека, у которого есть готовый ответ. Наконец он произнёс, не глядя на собеседника:

— Не могу. Если я ослушаюсь, Вестник поймёт. Почему я должен ставить свою жизнь выше твоей? Или их?

— Потому что, — в голосе незнакомца звякнул металл, — в отличие от меня, вы клятву давали. Защищать этих людей. Не от них. А их.

Краун посмотрел куда-то в сторону. Туда, где из-за туч на мгновение выглянул бледный клочок неба.

— Я пойду, — сказал он глухо. — Мне жаль. Тебе лучше сдать. Если хочешь действительно помочь этим людям — сдайся. Начнёшь бунтовать, и они пострадают. А до тебя всё равно доберутся. Не мы, так другие. Вестников много.

Он уже поднялся, когда незнакомец заговорил вновь — теперь без улыбки, без наглости, устало:

— Знаете, Лорд Краун, страх — забавная штука. К нему тоже можно привыкнуть. А когда у тебя не остаётся ничего, тебе становится всё равно на то, что будет. — Он помолчал и закончил почти шёпотом: — Кого защищать, если никого не будет?

Краун не ответил. Он накинул капюшон поглубже, развернулся и быстрым шагом, почти бегом, направился прочь.

К вечеру отряд из двенадцати укомплектованных рыцарей во главе с Лордом Крауном выступил к деревне. Их главная цель ждала — неприятная, неудобная, та, которую хотелось поскорее вычеркнуть из списка задач и забыть.

Улица встретила своих «защитников» пустотой, грязью и безжизненной тишиной. Ни души. Лишь изредка за покосившимися окнами мелькали бледные пятна лиц — и тут же исчезали, стоило бросить взгляд. Деревня затаилась, как зверь перед броском хищника.

В конце улицы, у часовни, ждал он. Причина всей этой миссии. Стоял непринуждённо, облокотившись спиной о холодную кладку, и жевал яблоко — красное, словно свежая кровь.

Отряд приблизился. Лорд Краун скользнул взглядом по небу — искал Вестника. Птицы не было.

— Именем Короля Эдрика Мортэма, Хранителя Порядка Великой Воли, вы, неизвестный, за неоднократное нарушение порядка и покоя жителей деревни Хорн, а также за действия, угрожающие жизни этого поселения, приговариваетесь к заключению, — громко, чеканно, как учили, зачитал догмат один из рыцарей.

Незнакомец хмыкнул и облилизал пальцы.

— Да ладно вам. Порядок и покой здесь нарушаете только вы. Жители прячутся не из-за меня, господа. Может, разойдёмся с миром?

— Лорд? — рыцарь обернулся к Крауну, ожидая приказа.

Краун ответил не сразу. Он смотрел на Безымянного — на его ленивую позу, на красное яблоко в руке, на улыбку, которая не имела права существовать в Мортэме. И ответил тихо, почти буднично:

— Исполняйте приказ. Живой он не нужен.

Отряд двинулся на нарушителя, рассыпаясь полукольцом. Каждый шаг — осторожный, выверенный, как ступают по тонкому льду. Вооружены они были до зубов: кто-то сжимал обеими руками длинный двуручный меч, кто-то крутил в ладони тяжёлую булаву, у двоих на поясах висели короткие клинки для ближнего боя. Доспехи глухо позвякивали при каждом движении. Лица скрывали шлемы, но напряжение чувствовалось и без слов — в том, как они переглядывались, как медлили, ожидая приказа. Или первой ошибки противника.

Противник ошибок не совершал. Он доедал яблоко — медленно, с хрустом, с таким видом, будто двенадцать вооружённых мужчин интересовали его не больше, чем прошлогодний снег.

— Парни, — произнёс он, вытирая пальцы, и голос его прозвучал почти по-приятельски, — ваш Лорд-то явно лучше питается. Может, загасим его?

Огрызок полетел на грязную дорогу. Он вытер руки о штаны — неспешно, тщательно — и только после этого поднялся. Не вскочил. Именно поднялся, будто нехотя уступая место надоедливому гостю.

Один из рыцарей — самый крупный, с двуручным мечом — не выдержал. Замахнулся широко, вкладывая в удар всю массу тела, целя разрубить выскочку от плеча до бедра. Клинок рассёк воздух с тяжёлым, утробным свистом.

Но там, где только что стоял человек, уже никого не было.

Движение вышло лёгким, почти ленивым: шаг в сторону, разворот корпуса, и носок сапога чиркнул по опорной ноге рыцаря. Тот, потеряв равновесие, рухнул на колено — доспех ударился о мёрзлую землю, из шлема вырвался сдавленный выдох. Меч вошёл в грязь.

— Раз, — произнёс Безымянный, отступая на шаг.

Остальные дрогнули, но лишь на мгновение. Дисциплина взяла верх. Они бросились разом — не толпой, а слаженно: трое спереди отвлекают, двое заходят с флангов, ещё один пытается зайти со спины.

Первый выпад — прямой укол мечом в грудь. Безымянный ушёл в сторону, пропуская клинок над плечом, и врезал локтем в забрало. Звон металла, вскрик. Второй замахнулся булавой, но оружие оказалось слишком медленным — он перехватил рукоять, перенаправил удар в сторону, и булава врезалась в плечо соседнего рыцаря. Тот повалился с хриплым стоном.

— Два. Три, — считал Безымянный, отскакивая назад.

Фланги захлопнулись. Двое с короткими мечами бросились одновременно. Он перепрыгнул нижний удар — неестественно высоко — и в полёте ударил ногой в грудь одного из нападавших. Тот опрокинулся на спину. Второй попытался ударить наотмашь, но лезвие лишь распорол воздух — Безымянный уже сместился влево, перехватил запястье и резко вывернул руку. Хрустнуло. Меч выпал.

— Четыре, пять.

Сзади набежал тот, что заходил за спину — с кинжалом. Безымянный, не оборачиваясь, упал на колено, пропуская лезвие над головой, и наугад ударил кулаком назад. Попал под нагрудник. Рыцарь согнулся пополам. Безымянный поднялся и добавил локтем по затылку — ровно столько, чтобы отключить.

— Шесть.

Их осталось шестеро. Они замедлились. Уже не бросались — встали полукругом, тяжело дыша, переглядываясь сквозь прорези шлемов. На земле корчились их товарищи. Безымянный стоял в центре, поправляя рукав, и на его лице не было ни торжества, ни страха — лишь лёгкое любопытство.

Двое крайних бросились одновременно, пытаясь задавить массой. Безымянный просто выскользнул из захвата — и оба рыцаря столкнулись лбами. Шлемы глухо звякнули. Один осел, второй ещё пытался стоять, но подсечка опрокинула и его.

— Семь, восемь.

Рубка сверху, удар накрест — сталь зазвенела о сталь. Он отбил меч противника в сторону и коротко ударил рукоятью в шлем. Рыцарь рухнул.

— Девять.

Трое оставшихся отступили. Дышали так, будто загнали лошадь. Самый молодой — руки дрожали — попытался замахнуться, но клинок словно потяжелел. Безымянный покачал головой и просто шагнул вперёд. Юноша попятился, запнулся о лежащего товарища и упал на спину.

— Десять.

Двое последних переглянулись. В их взглядах читался ужас пополам с решимостью обречённых. Они бросились вперёд с отчаянным боевым кличем, но это была уже не тактика — агония. Первому он увёл локоть, заставив промахнуться, и толкнул в грудь. Второму поставил подножку и добавил основанием ладони в лоб — мягко, почти бережно.

— Одиннадцать. Двенадцать.

Тишина. Площадь перед часовней превратилась в поле боя, усеянное телами в доспехах. Кто-то стонал, кто-то пытался ползти, кто-то лежал неподвижно. Но все были живы.

Лорд Краун смотрел на него. Один человек одолел двенадцать подготовленных воинов и даже не запыхался. Впрочем, удивления не было — он видел Вестников в бою и знал: эти существа не люди. Они нечто большее. Он снова осмотрел небо. Ворона не было.

Безымянный шагнул вперёд — легко, почти играючи — и подобрал с земли короткий меч. Взвесил в ладони, сделал пробный взмах, прислушиваясь к свисту рассеяемого воздуха. Сталь легла удобно, словно всегда здесь и была. Он удовлетворённо хмыкнул и поднял глаза

на Крауна. В них плясали искорки — не злые, не торжествующие, а печально-озорные. Он подмигнул — по-свойски — и быстрым, текучим движением метнул клинок прямо в Лорда.

Меч пролетел меньше половины расстояния. В трёх метрах от Крауна воздух сгустился, пошёл рябью, и из пустоты соткалась фигура — высокая, острозубая, с алыми прожилками, пульсирующими на коже. Вестник. Мэлон. Он поймал клинок на лету — просто выставил ладонь — и одним движением воткнул меч в землю. Лезвие ушло в мёрзлую почву по самую гарду.

Он не смотрел на Крауна. Алые глаза были прикованы к тому, кто стоял на другом конце площади. К тому, кого он искал.

Мэлон двинулся вперёд. Медленно. Тихо. Шаги почти бесшумны — только шорох гравия под ногами. Воздух вокруг него остывал — дыхание вырывалось паром, хотя холод не тревожил его уже тысячу лет.

Безымянный не побежал. Он стоял и смотрел, как приближается Вестник. В его глазах больше не было дерзости. Было что-то другое.

— Вот и встретились, — произнёс он. — Послушай, ты же умнее их. Зачем это продолжать?

— Прежде чем мы продолжим начатое, я хотел бы знать, — ответил Мэлон ровно. — Как ты отрёкся от Великой Воли?

— Мне кажется, мы не были созданы ею. Мы нечто большее, чем посланники этой — Безымянный поморщился, подбирая слово, — этой лжи. Вы же не из своих соображений ей следуете? Она неправильна.

— Нам не дано судить. Они сами выбрали этот путь.

— Мне-то можешь не лгать. — Голос Безымянного стал жёстче. — Великая Воля была нужна, я согласен. Она выполнила миссию, принесла мир в эти земли. Но потом она сама стала душить эти земли, потому что создана подавлять. А когда подавлять стало некого — она взялась за своих. И вы ей помогли.

— Мы явились в час нужды. Мы ничто для этого мира — лишь оружие.

— Если я не повинуюсь ей, значит, я создан не её оружием. — Безымянный шагнул ближе. — Значит, у нас другой Создатель. Нас покорили. Заставили думать, что мы созданы для этого. Но ты только посмотри на нас — мы все разные. Каждый со своим даром. Будь мы просто оружием, мы были бы схожи, как эти клинки.

Мэлон молча вытащил кинжал. Лезвие тускло блеснуло в сером свете.

— Это мало что меняет. Признаться, я никогда не сражался с подобным себе. И я не знаю, чем это кончится. — Он поднял глаза на Безымянного. — Но я рад, что здесь именно я. Пока мои братья выполняют волю, забирая обычных существ, мне удостоена честь забрать ценную жизнь.

Он атаковал первым. Тело размылось в воздухе — Мэлон преодолел разделявшие их метры за одно биение сердца. Ладонь, больше похожая на когтистую лапу, рванула к горлу. Безымянный ушёл перекатом, пропуская удар над головой, и с колена ткнул кинжалом в бок противника. Лезвие скользнуло по плоти Вестника, не оставив даже царапины. Мэлон развернулся мгновенно и ударил локтем наотмашь. Безымянный блокировал предплечьем — глухой звук разнёсся по площади.

— Да уж Бьёшь наверняка. Твои умения — да в благие цели, — прокомментировал он, отскакивая на пару шагов.

— Считаешь себя героем? Защитником угнетённых? — Мэлон наступал. Удары сыпались с неестественной скоростью: рубящие, колющие, рваные — смертоносный танец. — Дай им волю, и они вновь начнут грызть друг друга. Кто за власть, кто за ресурсы, кто за кусок хлеба.

— Я не пойму: ты пленник или сторонник? — Безымянный слегка запыхался, но насмешки в голосе не убавилось.

— Я не могу иначе. Я создан для этого. — Мэлон бил экономно, без единого лишнего жеста: основанием ладони — в грудь, в рёбра, в солнечное сплетение. Безымянный отводил удары, но его отбрасывало всё дальше. — Когда мы пришли, мы видели, от чего спасаем этот мир. Три армии, что отдавали жизни, губили земли, убивали невинных — и всё ради гордости, ради крупницы наживы. Они не заслуживают другого.

— У тебя просто нет выбора. И ты придумал оправдание тому, что делаешь. — Безымянный сплюнул кровь. — Только правдой от этого оно не становится. Ты завидуешь им. Завидуешь их свободе.

Мэлон замер. На долю секунды — но этого хватило. Безымянный сократил дистанцию и нанёс удар кулаком в лицо. Мэлон перехватил его руку и с хрустом вывернул запястье. Кинжал выпал. Безымянный вскрикнул, но тут же ударил второй рукой — в горло, туда, где пульсировали красные прожилки. Вестник пошатнулся. Хватка ослабла. Он отпустил сломанную руку и отступил.

— Мне кажется, всё проще, — прошептал Безымянный, тяжело дыша. — Осознавая, что не можете противиться, вы придумываете оправдание. Только правдой это не становится. Никто не вправе диктовать такие условия. Мы выше людей, возможно. Но не лучше. Их хотя бы не смогли подчинить, как вас.

Мэлон посмотрел ему в глаза. На миг алые прожилки вспыхнули ярче. И Безымянный замер. Глаза его расширились. Он опустил взгляд вниз — на свою грудь, на руку, что медленно покрывалась серым, зернистым налётом. Камень пополз вверх, пожирая плоть, сковывая суставы. Он не мог пошевелиться. Тело перестало слушаться.

— Надо было так сделать сразу, — тихо произнёс Мэлон. Голос его был ровен, но в нём слышалась усталость. — Ты способный. Но ты своенравный, наглый и надменный. Ты останешься здесь навеки камнем — как знак для всех, что будет с теми, кто ослушается. — Он помолчал, глядя, как серость затягивает лицо собеседника. — Но мне жаль.

Он стоял и смотрел, как его враг — его брат — полностью превращается в камень. Красные прожилки на его коже горели ярче обычного или это просто казалось из-за серого света. Лицо оставалось бесстрастным. Но пальцы, сжимавшие кинжал, дрогнули.

Сзади подошёл Краун. Он молчал, не зная, что можно сказать, да и нужно ли.

— Я сделал своё дело, — произнёс Мэлон, не оборачиваясь. — Дальше — ваше. Карать людей, не карать — мне всё равно.

Он обратился в птицу и, взмахнув крыльями, направился прочь.

Краун остался один. Рыцари позади приходили в себя, стонали, пытались подняться. А он стоял и смотрел на статую — на того, кто только что был живым, дерзким, свободным и кто теперь застыл камнем посреди мёртвой улицы. На лице каменного человека застыла странная гримаса — не ужаса, не боли, а скорее горького удивления.

Краун смотрел долго. Очень долго. И где-то глубоко внутри, в том месте, куда он давно запретил себе заглядывать, что-то сжалось — туго, как сжатый кулак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.